

«Главная тайна — Жизнь Души»

Интервью с Татьяной Шамякиной

Быть сыном или дочерью известного человека всегда непросто. Сложно выйти из тени знаменитости, стать самостоятельной величиной, доказать свою человеческую и профессиональную состоятельность. Татьяне Шамякиной это удалось. Она не только дочь отечественного классика Ивана Шамякина, а профессор кафедры теоретического и славянского литературоведения БГУ, доктор филологических наук, писатель и мемуарист. А еще — по своей природе настоящий просветитель, человек, для которого и сегодня главным богатством остаются знания, образование, книги. Накануне красивой даты — 8 октября Татьяне Ивановне исполнится 75 лет — беседуем с ней о ее семье, литературе, людях и судьбе цивилизации.

Татьяна Ивановна Шамякина

ФАМИЛИЯ ОБЯЗЫВАЕТ

— Татьяна Ивановна, вам повезло родиться в семье народного писателя Беларуси. Считаете ли вы этот факт определяющим для своей судьбы? Помогала ли фамилия вам в жизни?

— Безусловно, это и везение, и судьба, и факт, определивший дальнейшую жизнь. Возможно, в каких-то случаях фамилия помогала, в каких-то —

наоборот, создавала некоторые проблемы. Творчество Ивана Шамякина многие читатели искренне любили. Несколько поколений врачей помнят роман «Сердце на ладони», зодчие — «Атланты и кариатиды», чернобыльцы — «Злую звезду». Но не могу сказать, что все коллеги относились к отцу с восхищением — по разным причинам. В том числе и просто из зависти, очень распространенной в творческой среде «болезни». Как дочь Ивана Шамякина я не очень-то рассчитывала на симпатии к себе всех и каждого. Это определяло линию поведения. Чтобы не говорили, мол, «ей все дается по благу», старалась учиться на «отлично». Самостоятельно разработала и читала на филфаке БГУ, пожалуй, больше дисциплин, чем кто-либо другой. Всегда предпочитала заниматься своим делом, держаться в тени, а не сидеть в президиумах и светиться по телевизору. На уговоры выступить поддавалась только в тех случаях, если нужно было говорить об отце. На школьников, студентов моя фамилия, наверное, действовала, вызывая интерес. А вообще не стоит думать, что я прошла по жизни легко, триумфально. Узнала тревоги и огорчения, недуги и потерю родных, собственные болезни. Но детство и юность были счастливые, радостные, осмысленные. Это озаряло все последующее бытие.

— **Иван Петрович и Мария Филатовна были строгими родителями? В чем заключаются их главные уроки, усвоенные вами?**

— И отец, и мама отличались исключительно мягким характером, добротой. Родители заботились о духовном становлении нас, четверых своих детей: покупали много книг, читали нам, много возили и по Беларуси, и в другие республики СССР. Родителей волновало согласие в семье. Относились к нам одинаково, но все же нюансы были. Мама очень жалела старшую дочь Лину, оберегала ее. В годы оккупации мама и Лина много всего пережили, болели тифом. Благодарна старшей сестре за то, что приучила меня собирать издания

Татьяна Шамякина с мужем, родителями и сестрой Алесей (конец 60-х)

по искусству. Очень дружили мы с братом Сашей. Человек он был замечательный, многое умел. Как гидрогеолог участвовал в проектировании Минского метро. Из нас четверых Саша был, пожалуй, наиболее эмоциональный. С младшей сестрой Олесей у меня разница в 12 лет, но профессионально мы близки как филологи-белорусисты. И отец, и мама всемерно поощряли наши духовные запросы. В этом плане в семье царил свобода. Конечно, имели место и некоторые табу, существовали правила общежития, но складывались они естественно и не подавляли. Главный преподанный мне урок — собственный пример жизни родителей, великих тружеников. Их взаимная любовь, исключительно внимательное отношение к людям. Отец говорил, например, что главные в стране — крестьяне, кормильцы всех остальных, а творческая интеллигенция должна украшать, вносить радость в их будни.

— В истории каждой семьи обычно есть свои занимательные персонажи и интересные сюжеты. Могли бы рассказать что-то о своих предках такое, что вам самой представляется интересным?

— Моя мама, Мария Филатовна Кротова, происходила из древнего староверского рода. В XVII веке староверы, спасаясь от репрессий после реформ патриарха Никона на границе Московии и Великого княжества Литовского, заселили относительно безопасную для них юго-западную территорию Беларуси вокруг Ветки. Семья матери до коллективизации была очень зажиточной, владела обширными земельными наделами и лучшим в округе садом. Землю у них большевики отобрали, но не выслали, так как семья трудилась без батраков. Мой дедушка по маме, Филат Азарович Кротов, никогда в колхоз не вступал, а трудился в правлении железной дороги. Случилось так, что у него умерла жена Улита и тогда же, в 1932-ом году, его самого осудили за утрату важного документа. Без отца и матери остались шестеро детей, и пришлось им, бедным, ох как несладко. Но они выдюжили. А дальше произошла мистическая история. Тете Оле (старшей в семье Кротовых, фактически заменившей сестрам и брату мать) в 1938-ом году приснилась Улита, которая указала место, где находится утерянная бумага. И хотя до этого там уже не единожды все обыскали, но вот на этот раз наконец-то нашли. Тетя, работавшая на почте, человек грамотный и решительный, отправила документ и сопроводительное письмо «всесоюзному старосте» Михаилу Калинину. И случилось чудо — через неделю оправданный Филат Азарович вернулся домой!

— Интересно, традиции староверов как-то отразились на формировании вашей мамы с учетом того, что она росла в советское атеистическое время?

— Мама училась в обычной советской школе, потом — в медицинском училище, была примерной пионеркой и комсомолкой, но традиции семьи, безусловно, сказались на ее личности. Одна из главных традиций — уважение к образованности. В семье сохранялось много старинных и, видимо, исключительно ценных книг. К сожалению, во время оккупации почти все они погибли. Мама, как и ее старшие четыре сестры, была верующей, отмечала все религиозные праздники, соблюдала религиозные обряды, но ходить в церковь в 1950-1960-е годы, вешать иконы в городской квартире, учитывая статус мужа, опасалась. А вот в избе ее тети стены сплошь были увешаны иконами. Моя же тетя, обучая меня крестить подушку перед сном, просила не говорить об этом папе. Но

отец все прекрасно знал, и никогда не осуждал, не высказывал недовольства, не проявлял неуважения. Будучи коммунистом, он ничего не имел против посещения церквей: считал, что красота храмов только на пользу эстетическому воспитанию. Родных жены отец безмерно уважал за то, что много трудились и жили по совести. Это и есть настоящая религиозность. Совесть — важнейшее понятие христианства. Староверские гены мамы, думаю, давали о себе знать. Она отличалась аскетизмом, не любила нарядов (хотя, появляясь на людях с известным мужем, старалась соответствовать), никогда не пользовалась косметикой, не носила украшений (хотя папа их дарил), не терпела спиртного, никогда не танцевала. Отец из солидарности с ней тоже не танцевал.

— **Вы унаследовали такое отношение к одежде и украшениям?**

— Практически не ношу украшений, равнодушна к нарядам, и если уступаю в этих вопросах, то только под давлением дочерей. Дочери, в некоторых вопросах тоже аскетичны, но одеваются модно и украшения любят. В шутку я объясняю это тюркскими генами своего покойного мужа.

— **Ваши дочери — Мария и Славяна — первоначально были на фамилии отца — Кудряшovy, а потом стали Шамякиными. Чье это было решение?**

— Как-то мой отец высказал пожелание, чтобы кто-то из внуков стал его наследником в профессии и писал под его фамилией. Мария начала печататься еще при его жизни, и папа очень радовался, читая ее стихи, фантастические рассказы, повести, убеждаясь, что она действительно талантлива. Славяна, которая на пять лет младше сестры, всегда росла в лоне семьи Шамякиных. При получении паспорта тоже решила взять эту фамилию. К слову, мой муж,

Иван Шамякин, Татьяна Шамякина с дочерьми Машей и Славяной, 1986 г.

Вячеслав Викторович Кудряшов, не только не противился этому, но даже поощрял. И мне, когда подавали заявление в ЗАГС, посоветовал оставаться на девичьей фамилии.

О ТВОРЧЕСТВЕ И ОКРУЖЕНИИ

— Когда вы, Татьяна Ивановна, почувствовали в себе писательский зуд? Что определило ваш выбор филфака БГУ для учебы? Как относился отец к вашей учебе, творчеству, работе?

— В книге «Два месяца в Нью-Йорке» отец высказался о моих письмах к нему за границу как самых интересных, считая, что у меня есть способности. В школе мои сочинения всегда зачитывали как образцовые. Меня отмечали педагоги по всем гуманитарным дисциплинам. Это воодушевляло. Вопрос о выборе профессии передо мной не стоял. Снова-таки традиции семьи. Мама, имея троих детей, поступила на филфак в педагогический институт (теперь БГПУ им. М. Танка) и окончила его с красным дипломом. Маленькой я сидела рядом, когда она выполняла учебные задания, и расспрашивала обо всем, что она делала. Старшая сестра Лина тоже филолог, окончила институт иностранных языков. О моей одержимости чтением знали и родные, и друзья, и коллеги отца. А регулярно печататься начала в аспирантуре. Отец присутствовал на моих защитах диссертаций — и кандидатской, и докторской. Думаю, гордился.

— Вы переводили и романы, и повести, и пьесы Ивана Петровича. Это была ваша инициатива или по его просьбе? Трудно было работать с отцом?

— Началось с того, что отец случайно узнал: его постоянный московский переводчик, по совместительству преподаватель одного из вузов, экономя время, свою работу перепоручает студентам. Отец решил: его собственная аспирантка справится ничуть не хуже, чем московские студенты. Так и пошло. Работалось нам хорошо: отец мне полностью доверял, замечаний практически не делал.

— Живя в знаменитом доме по ул. К. Маркса, 36, вы лично знали многих белорусских писателей. Кто по-человечески произвел на вас сильное впечатление? Кто и чем запомнился?

— Мне не раз приходилось писать о нашем доме, в котором жили с 1954 по 1969 годы. Библиофильством заразил своих, тогда еще молодых коллег-соседей, Петр Глебка. В нашем подъезде все жильцы буквально соревновались в приобретении книг, консультируясь у Петра Федоровича. У него была лучшая в Минске частная библиотека, которую он начал собирать еще в юности. Согласно завещанию Петра Федоровича, после его смерти ее передали в Национальную академию наук. Мне запомнилось, как Глебка, уже будучи академиком, учил нас, шестилетних, делать «секреты» в земле, эстетически их оформляя и рассказывая при этом занимательные истории. Не тогда ли у меня проснулась страсть к загадкам и тайнам? Безусловно, Петр Глебка был уникальнейшим человеком; жаль, что сегодня забыт. Вселившись в дом, специально построенный для литераторов, наша семья жила сначала на одной лестничной площадке

с Иваном Мележем. Из-за ранения, полученного на войне, у Ивана Павловича были серьезные проблемы со здоровьем, и его теща Клавдия Ивановна готовила зятю диетические блюда. Своими стараниями, повседневной заботой она, безусловно, продлила писателю жизнь и помогла плодотворно работать. Клавдия Ивановна полюбила мою маму, душевно с ней сошлась и часто забегала к нам в гости. Очень мудрая была женщина. В 1964 году Иван Мележ получил новую квартиру в доме с лифтом. На его место въехал Иван Науменко с семьей. Через десять дней после вселения у них с женой родился сын. Рос Павел Науменко на моих глазах, затем стал моим студентом, а потом и коллегой-доцентом. А я училась у Ивана Яковлевича, который тогда работал на филфаке БГУ: писала под его руководством дипломную работу и кандидатскую диссертацию. Когда Иван Яковлевич по-соседски заходил к отцу, всегда старалась не показываться ему на глаза, интуитивно понимая: профессору необходимо сохранять сакральность, не выгладеть в глазах студентки по-домашнему. Шамякин и Науменко остались друзьями до конца дней. А мама подружилась с женой Ивана Науменко — Ядвигой Павловной, очень колоритной личностью, слушать которую всегда доставляло мне огромное удовольствие. Над нами, в такой же квартире, жил Янка Брыль с семьей. В молодости Иван Антонович, спускаясь по лестнице, всегда пел красивым баритоном — поднимал настроение соседям, заряжал оптимизмом с утра. И в беседах он отличался остроумием. В одном классе с его дочерью Наташей учился мой будущий муж Слава Кудряшов. Наталья Ивановна, окончив филфак, всю жизнь проработала в издательстве «Мастацкая літаратура»: она блестящий редактор тысяч книг. В нулевых годах Янка Брыль и отец, последние советские белорусские классики, регулярно перезванивались, трогательно интересовались здоровьем, делами друг друга.

Дружила я с дочерью Яна Скрыгана Галей. Знала, что Иван Алексеевич в свое время был репрессирован, отбывал ссылку в Сибири. Казалось бы, после пережитых испытаний человек должен озлобиться. Но Скрыган отличался исключительной интеллигентностью, даже аристократичностью, всегда был вежлив, обходителен. Позже в его квартиру заселился Владимир Короткевич с женой Валентиной. На третьем этаже, напротив Петра Глебки, жил Василь Витка. Прекрасный детский поэт, но держался он отчужденно, в гости к соседям не заходил.

Считаю, наш дом — это культурное явление, уникальное сообщество людей, объединенных наличием таланта, профессиональными интересами, феноменальным опытом — многие прошли через горнило Великой Отечественной войны. Значение имело совместное заселение в только построенный дом, обустройство в нем, дружба жен и детей. Все помогали друг другу, вместе украшали двор, сажали деревья, разбивали клумбы.

— **Вы делали интервью с Владимиром Короткевичем, которое вошло в 8-томное собрание его сочинений. Каким он вам запомнился?**

— Многих литераторов я знала гораздо ближе и лучше, чем Короткевича. При этом всегда любила романтическую литературу и чрезвычайно ценила творчество Владимира Семеновича. От писателей, заходивших к нам, приходилось слышать разные мнения о нем. Но многие очень уважали Короткевича не только за его книги, но и за то, что он оббивал пороги высоких чиновников, добываясь сохранения исторической застройки Минска, в том числе

района улицы Немиги. Тогда к Владимиру Короткевичу не прислушались. Только через много лет его позиция все-таки победила. Что же до моего интервью, то оно — дело счастливого случая. Когда я начала готовить лекционный курс «Психология литературного творчества», то многим писателям разослала анкеты. Отозвались только Вячеслав Адамчик и Владимир Короткевич. Сейчас на нашем факультете готовится новое Полное собрание сочинений Владимира Короткевича в 25-ти томах (как член редколлегии я редактировала несколько из них), которое скоро выйдет в издательстве «Мастацкая літаратура».

— Вы специалист по белорусской прозе XX века. Можно ли назвать этот период золотым веком отечественной литературы? Чем он объясним?

— XX век — действительно золотой для белорусской литературы. Среди факторов ее взлета — огромная радость Победы в Великой Отечественной войне, энтузиазм народа в восстановлении страны, традиции гениев-классиков — Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича, Кузьмы Черного, — общая литературоцентричность культуры, очень высокий уровень литературоведения, обеспеченность населения библиотеками, книжными магазинами. Вообще я много размышляю над этим вопросом... Вспоминаю своих университетских преподавателей — Михаила Григорьевича Ларченко, Олега Антоновича Лойко, Ивана Яковлевича Науменко, Нину Ивановну Гилевич, которые воспитали блестящую плеяду литераторов рубежа веков. Человеческий фактор, влюбленность специалистов в свое дело тоже, безусловно, играют огромную роль.

— Еще вы специалист в области мифологии. Что вас побудило заняться ею?

— Обращение к мифологии обусловлено все той же приверженностью к романтической литературе, любовью к сказкам, фантастике, увлеченностью тайнами, загадками, чудесами мира. В семье всегда выписывали много научно-популярных журналов: я интересовалась разными областями знаний. Статьи по мифологии начала печатать по просьбе главного редактора журнала «Роднае слова» Михаила Шавыркина. Способный и увлеченный человек, Шавыркин сделал методический в сущности журнал очень популярным за счет статей культурологической направленности. Журнал стали читать серьезные писатели, и меня очень хвалили Янка Брыль, Рыгор Барадулин, Нил Гилевич. А мой наставник — Олег Антонович Лойко, став деканом на филфаке в начале 1990-х годов, — специально для меня добился введения в учебную программу дисциплины «Славянская мифология». Моя докторская диссертация посвящена связи мифологии с творчеством белорусских классиков. Как специалист я занимаюсь мифореставрацией на основе сравнения мифов разных, часто далеких народов, например, славян и китайцев.

— Какой белорусский мифологический персонаж вам кажется самым загадочным?

— Самый непонятный из мифологических персонажей, по-моему, — цмок. Кто он? Почему красавицы становятся женами змеев? Как такое возможно? Безусловно, это персонификация некоей силы, сущности. Скажем, имеется в виду оборотень. Сегодня признается: это реальное явление — психически больной ликантропией человек. В средневековые случаи подобных заболеваний

встречались нередко — главным образом из-за отравления наркотиком, содержащимся в зерне, зараженном спорыньей. Такой больной во время приступов очень агрессивен, и раньше не воспринимался окружающими как человек. И «змей», возможно, название этой inferнальной, в восприятии людей, сущности. Но это лишь одно — самое примитивное — из моих объяснений.

— Какими предстают белорусы со страниц отечественной — классической и современной — литературы?

— Белорусский национальный характер — один из самых обаятельных среди индоевропейцев. Но он довольно закрытый. Я называю белоруса «человеком глубины». Связываю национальный характер с нашей природой, привычными ландшафтами, прежде всего лесами. В XXI веке при том, что появляются авангардные произведения (они нужны для обновления поэтики), герои белорусских писателей остаются по-человечески нормальными, чтят христианские добродетели, сохраняют божеский облик. Хотя отслеживаю и омещанивание соотечественников.

— Творчество кого из современных писателей находит в вас искренний отклик? Почему?

— Мне импонируют авторы, чье творчество отмечено богатой фантазией и оригинальным стилем. Высоко ценю творчество Раисы Боровиковой, Виктора Гордея, Анатолия Зэкова, Василия Гигевича. Читаю с удовольствием многих.

— Вы не одно десятилетие преподаете на филфаке БГУ. Какими наблюдениями над студентами могли бы поделиться? Что вам в них симпатично, что огорчает?

— Современные студенты в целом прекрасные ребята. Но со многими, увы, невероятно скучно. Их культурный кругозор весьма ограничен, мышление плоское, суждения стандартные, мещанские, восприятие искусства нулевое. О чем бы я ни завела речь — ничего не знают. Я часто говорю студентам: «Филолог — тот, кто в детстве любил читать сказки, в подростковом возрасте — приключения, в молодости — фантастику и фэнтези». Но реальность такова, что многие абитуриенты приходят на филфак, часто понятия не имея даже о классических народных и авторских сказках. Для меня это — дикость! В последние годы мне дают в основном иностранных дипломников. По своим китайским студентам и магистрантам я вижу: они стремятся стать всесторонне образованными. К огромному сожалению, у наших юношей и девушек такой жадности к знаниям не замечаю. Мы привычно поем хвалу молодым людям: за ними, не спорю, — много славных дел. Но все же не мешает изредка напоминать: у них еще очень большой простор для работы над собой. Самокритичность никому не помешает...

— Почему вам захотелось написать мемуары о том, как жила советская элита? Ощущали ли вы в свое время себя девочкой из элитной семьи? В чем это проявлялось?

— Есть внутренняя потребность — делиться знаниями. Сейчас многие близкие и друзья просят меня продолжить мемуары. Советская тема — модная. Лично мне обидно, как ее профанируют, сколько пишется неправды,

сколько создано мифов, которые упорно тиражируются и уже плотно вошли в массовое сознание. Я считаю своей задачей — развенчивать их. Мои родители идеи элитарности выбивали из наших, детских голов, напрочь: умные люди, они понимали опасность для личности самомнения, снобизма. В советское время все считались равными, и слово «элита» было не в ходу. Это уже после развала СССР оно вошло в обиход.

— **Вы всю жизнь связаны с Минском. Какие его места любите больше всего?**

— Больше всего люблю центр Минска, где росла и живу. К сожалению, сегодня, на мой взгляд, его портит обилие автомобилей и иностранных вывесок.

— **В одном из интервью вы отметили, что такой дружбы, какая связывала Ивана Шамякина и Андрея Макаенка, вы больше не встречали. Удалось ли вам сохранить какую-то детскую или юношескую дружбу до зрелых лет?**

С трех лет я дружила с дочерью писателя Владимира Карпова Людмилой. Владимир Борисович жил с нами в одном доме, редактировал первые книги отца. Мы с Людой учились в одном классе, затем — на одном курсе филфака, вместе работали, довольно долгое время — на одной кафедре. Во взрослой жизни встречались в основном только в университете, но постоянно перезванивались. Несколько лет назад Людмила скорострительно скончалась, и с тех пор я не перестаю думать о ней, вспоминать с грустью и болью. Людмила — подруга детства. А другом на всю жизнь стал мой муж Вячеслав Кудряшов. Когда нам было лет по пятнадцать, в наш двор стали приходить ребята из дома № 45 по улице К.Маркса. Мы вместе играли в волейбол, ездили кататься на лодках на Комсомольское озеро. Постепенно я подружилась с парнем, которого приятели ласково называли Славочкин. Он был застенчивый, стеснительный, добродушный, но остроумный и такой же книголюб, как я. Мы обнаружили, что у нас много любимых писателей. Когда мне исполнилось двадцать, а Славе — двадцать один год, мы поженились. У нас был, считаю, очень гармоничный союз. В 2012-ом году мой Слава ушел из жизни. Ему я посвятила свою книгу «Парадоксы времени, или Романтика советской науки».

— **Ваш ближний круг сейчас — это дочери? Чем они занимаются?**

— Да, мое счастье — в них. Мария и Славяна — обе кандидаты наук сразу по двум специальностям — по фольклору и теории литературы. Мария глубоко верующая, регулярно посещает церковь, соблюдает посты, ей нравится жить за городом, на природе. Дочери любят садоводство, огородничество, цветоводство; они замечательно шьют, вяжут, вышивают. Славяна хорошо рисует. Мария делает разные сувениры. К сожалению, дочери не замужем.

БЕСПОКОИТ СУДЬБА ЦИВИЛИЗАЦИИ

— **Пришлось ли вам пересматривать в течение жизни какие-то свои взгляды и позиции?**

— Конечно. И не раз. Всего один пример. Во времена моего детства нас приучали буквально обожествлять Вла-

димира Ильича Ленина. Писатели в спорах у нас дома тоже на него «не заматывались». Шестидесятники противопоставляли якобы демократизм Ленина тирании Сталина. Однако я много читала исторической литературы, в том числе серьезные монографии, конспирологические труды. И в отношении Ленина, Февральской и Октябрьской революций 1917-ого года пересмотрела прежние взгляды.

— **Наверное, вы могли бы сказать о себе: «Повсюду искал я покоя и в одном лишь месте обрел его — в углу, с книгою»?**

— Могла бы. Я, безусловно, человек книги. Без чтения не представляю жизни. Продолжительное время была записана в пять библиотек. Продолжаю выписывать 20 изданий, возвращаюсь к любимым книгам, покупаю новые — в основном научные. Не понимаю людей, для которых книги — это добука.

— **О чем вы, Татьяна Ивановна, чаще всего думаете сегодня? Что из происходящего дарит оптимизм, а что вселяет тревогу, беспокойство?**

— Думаю о многом. Скажу честно: оптимизма все меньше, беспокойства все больше. Прозвучит пафосно, но я искренне переживаю за судьбу нашей цивилизации. Фиксирую нарастание энтропии, сил хаоса. Причем, чем больше регламентации, стремления к цифровому порядку, как это происходит в образовании, тем неоднозначнее, скажем так, результат. Многие свои тревоги я излагаю в новой книге — «Природа — Общество — Словесность». Она посвящена принципам достижения гармонии в жизни. Центральное место в ней занимает моя работа «Как советские люди обывателями становились». Меня угнетает обывательская пошлость, которая проявляется повсеместно и которую многие уже перестали воспринимать как пошлость. Возьму близкую мне лингвистическую сферу. Удручают «бренды», «тренды», «хабы», «хайпы» и им подобные слова, которые не сходят с языка у многих белорусов. На защите дипломов в этом году студентка назвала Максима Богдановича как личность — «брендом». Все восприняли нормально, а я — против. Бренд — то, что сделано, произведено. МАЗ — бренд. А Максим Богданович — это национальное достояние, духовное богатство, имя классика мирового уровня, пример благородства, достоинства, патриотизма. Варваризмы — сорняки в языке. Необходимо заботиться о красоте, эстетике языка, чтобы в нем было больше славянских слов, морфем, корней.

— **Кого вы могли бы назвать героем нашего времени? Какие качества современников вызывают у вас добрую зависть, а какие вам трудно принять?**

— Для меня герой нашего времени — известный путешественник, исследователь Федор Конюхов. Всегда мечтала много путешествовать. Меня всю жизнь восхищали бескорыстные энтузиасты. Не люблю прагматиков, тех, кто все вымеряет корыстью.

— **Что для вас в жизни было и остается тайной? Верите ли вы во всемогущество науки?**

134

— Тайнами интересовалась всегда. Это то, что поддерживает интерес к миру. Главная тайна — это Жизнь

Души. При этом я весьма скептически отношусь к разным массмедийным феноменам, типа Джуны, Чумака, Кашпировского, Ванги. Годы моего становления пришлось на НТР. С позиций науки я и стремилась всегда объяснять чудеса, мифы. На научные достижения всегда возлагались большие надежды. А вот сейчас оптимизма поубавилось. Что-то пошло не так. Очень пугает искусственный интеллект, который стоило бы назвать «имитацией интеллекта». И общественная мораль тоже, увы, внушает пессимизм.

— **Что вам хотелось бы еще реализовать? О чем написать?**

— Я не верю в инопланетян, рептилоидов, планету Нибиру, подводных жителей Атлантиды, подземную Шамбалу. Но уверена в существовании цивилизации (условно — Гипербореи, Арктиды, Арианы), погубленной планетарным катаклизмом примерно 12 тысяч лет назад. Доказательств этому много. Хотела с этой точки зрения исследовать народные сказки. Хотя осознаю — научная общественность меня не поймет.

— **Есть ли что-то, чему вы всю жизнь хотели научиться, но пока так и не смогли?**

— Всю жизнь хотела научиться рисовать, но времени для этого так и не нашла.

— **Верите ли вы в судьбу?**

— Изучая судьбу того или иного творца, всегда скрупулезно искала определявшие его жизненный путь факторы: субъективные (едва ли не каждый совершенный поступок) и объективные, не зависящие от человека. С таких же позиций подхожу к оценке своей собственной судьбы, судьбы близких. Мой дедушка Филат Азарович Кротов никогда не сокрушался по поводу страданий в ГУЛАГе. Считал: страдания избавляют от гордыни, душа в них очищается. А именно о душе и нужно, прежде всего, заботиться. Возможно, полагал он, такие испытания выпали ему за свои, вольные и невольные, грехи или за грехи предков. А мама моя верила, что отец, очистившись страданиями, определил ее счастливую судьбу.

— **За что вы, не кривя душой, могли бы сказать жизни «спасибо»?**

— За родителей, за окружение, в котором росла, за первую учительницу Фаню Борисовну, за учительницу литературы в старших классах — Антонину Михайловну, преподавателей на филфаке. За то, что живу в Беларуси. Все хорошее, что было на жизненном пути, — Божий дар. А если что-то не получилось — сама виновата. Я не оцениваю себя чересчур высоко, но сильно участвую в движении отечественной мысли, в развитии культуры; надеюсь, что доношу до молодых людей блески творчества гениев. И их ответный отклик радует.

Беседовала Ольга ПОКЛОНСКАЯ

*Фото из личного
архива Татьяны Шамякиной*